

ПОСТРЕАЛИЗМ С. ГАНДЛЕВСКОГО: ПЬЕСА «ЧТЕНИЕ»

Сергей Гандлевский — автор лишь одной пьесы (по крайней мере, лишь одной опубликованной). Эта пьеса носит название «Чтение». Она появилась в журнале «Звезда» в 1999 году. Стоит признать, что дебют Гандлевского в драматургии остался практически незамеченным, пьеса так и не была поставлена.

Критик Мария Ремизова очень скептически оценивает пьесу «Чтение». В своей рецензии на книгу Гандлевского «Порядок слов» она пишет: «Тот же автор, тот же язык. Тот же, кажется, внутренний мир. И вдруг — все не то, все не то. Что случилось? [...] Чего же не хватило «Чтению», чтобы стать в тот же ряд с «Трепанацией...», со стихами? Да того самого главного — любви. Ни в тексте, ни за текстом. Вот он и получился — писанным умелой рукой, цепкой памятью на словечки и детали, натуральным языком — и совершенно пустым. В принципе, «Чтение» очень ценная вещь. Она как бы оттеняет все позитивное, что может породить метод Сергея Гандлевского. Она показывает, что мастерство — это еще полдела. Или четверть. Или сколько там. А главное — действительно — не в этом» [3]. Высказанное мнение не представляется нам справедливым, объективным и доказательным. Пьеса Гандлевского — точный барометр своего времени, она многоголосна, талантлива, интересна.

«Чтение» — одноактная пьеса, не поделенная на действия и картины, имеющая кольцевую структуру, т.е. герой, названный Автором, читает экспозицию пьесы Гандлевского. Действие разворачивается в мастерской покойного художника-академика. Хозяйкой данного помещения является дочь академика, которая тоже художница и «тоже бездарна и гостеприимна», как и её отец [1]. Действующие лица (хозяйка и её гости) собираются за столом, выпивают, ожидают некоего писателя, который должен прийти и прочесть своё произведение. При этом за столом ведётся общая беседа. Разговоры лишены всякого смысла, ведь гости на самом деле не имеют никакого отношения к творчеству, они всего лишь надели на себя маски талантливых и одарённых людей. Перед читателем разворачивается картина типичной пьянки, наполненная несвязными диалогами, унылыми тостами, пошлыми заигрываниями и т.д. В конце повествования приходит автор, ради которого якобы собралось это «высшее» общество, и начинает читать экспозицию к пьесе Гандлевского, т.е. перед нами открывается действие «пьесы в пьесе».

Конфликт пьесы «Чтение» нельзя назвать ярко выраженным, потому что герои до такой степени лишены личностных качеств, что их всех, за исключением Автора, можно отнести к общей массе. Таким образом, в пьесе представлен конфликт человека творческого, душа которого требует слушателя, и общества псевдотворческой интеллигенции, т.е. это конфликт героя и среды. Но в то же время это конфликт героя с самим собой, который неисчерпаем — всё движется по кругу.

В афише Гандлевский достаточно детально описал внешний вид героев, который неким образом отражает их внутреннюю сущность:

Хозяйка, лет пятидесяти, но молодящаяся дама-культуртрегер.

Интеллигент, неопределенных лет и наружности: борода, очки.

Девушка, статная одетая с иголки особа.

Неудачник, так и выглядит, много нервничает.

Провинциальный родственник, себе на уме; единственный из присутствующих — в костюме и при галстуке. Но в шлепанцах.

Балагур, лысый, с животиком, ворот рубашки расстегнут; более чем раскован.

1-й, 2-й пьяный, почти неотличимы, одеты абы как, довольно молоды.

Призрак Хозяйкина отца.

Автор, автор как автор [1].

Сказав, что «автор как автор», Гандлевский, возможно, намекает на тяжёлое и незавидное существование современных писателей, которые вынуждены читать свои произведения людям, которые совершенно не чутки к литературе, оказались заражены бездуховностью, но которые смело ставят себя в один ряд с настоящими талантами:

«Хозяйка. Да, пьянство, пьянство... Где талант — там и водка: Анатолий Зверев, Мусоргский, Ли Бо...

Провинциальный родственник. Володя Высоцкий...» [1]. Они сравнивают себя с гениальными личностями, которые имели пристрастие к алкоголю, но те обладали бесспорным талантом, а эти обладают только желанием выпить; и естественно, что природа пристрастия к алкоголю у гениев и героев пьесы совершенно разная.

Если начать разбирать образ каждого героя данной пьесы, то становится ясно, что все они неудачники, включая Автора. Внешний вид героев выписан Гандлевским очень стереотипно: если интеллигент, то в очках и с бородкой, если балагур, то с животиком и расстёгнутой рубашкой и т.д. Поведение их также стереотипно: Балагур всю дорогу травит какие-то пошлые анекдоты и высказывания: «Милиционер родился», «будь водка твёрдой, я б её грыз», «между первой и второй — перерывчик небольшой», «любой каприз за ваши деньги»; а интеллигент к месту и не к месту вставляет умные фразы: «где-то по большому счёту мне не хватает катарсиса», «Я сам такой, Кармен», «In absentia», «ожидание Годо» и т.д. [1]. Про автора сказано, что он «автор как автор», и читатель в соответствии со стереотипами может представить интеллигентного и успешного, уверенного в себе мужчину, но в ходе развития действия перед нами предстаёт человек, который «как-то подозрительно выглядит: тренировочные штаны с пузырями на коленях, шнурки волочатся по полу, кроличья шапка со спущенными ушами, чемоданчик в руке» [1]. Опоздал на мероприятие он также из-за нерешительности и застенчивости, не зная кода от двери, а Хозяйка даже не потрудилась сообщить этот номер.

Возникает вопрос: зачем Автор вообще идёт на данное мероприятие? Видимо, потому, что душа писателя требует признания. Но в связи с этим возникает мысль о несостоятельности Автора как человека, ведь он соглашается с пренебрежительным отношением к себе, считает возможным посещать «творческие» вечера подобного уровня.

Гандлевский говорит о том, что нельзя так унизительно относиться к представителям искусства, а писателям стоит отыскать в своих душах любовь и к себе.

Гандлевский никак не определил жанр своего творения, но драматическое произведение всегда входит в область определённого жанра. Отчётливо видно, что «Чтение» — комедия, в которой высмеивается российская псевдотворческая интеллигенция, а также неказистые, неуверенные в себе авторы.

Пьеса написана в духе постреализма, она сочетает в себе элементы поэтики реализма, модернизма, постмодернизма, драмы абсурда. Мы наблюдаем довольно типичную, вполне реалистичную картину застолья любого общества, не обязательно творческого. При этом текст щедро сбагрен цитатами, афоризмами, изречениями известных людей. Например: «служить бы рад — прислуживаться тошно»,

Балагур: «Умеете по Стендалю пить?

Провинциальный родственник: Это как же?

Балагур: Красное по-черному», «Раз пошла такая пьянка — режь последний огурец», «А был ли мальчик-то», «Я сам такой, Кармен» и т.д. [2]. Использует здесь автор и приём иронии, а также самоиронии, присущие постмодернизму.

В какой-то момент в действие пьесы вводится призрак отца хозяйки. Выглядит призрак тоже стереотипно: «Он смотрится хрестоматийным художником: эспаньолка, бархатный берет, шёлковый бант на шее; в руках — палитра и кисть на отлёте»[1]. Его появление можно отнести и к поэтике драмы абсурда, (т.е. воспринимать как некую всеобщую алкогольную галлюцинацию) и, конечно, постмодернизма, ведь сразу же вспоминается появление призрака отца Гамлета. Но только у Шекспира появление призрака наводит ужас на окружающих, а в пьесе Гандлевского наблюдается весёлое отношение к гостю с того света. Сам гость разговаривает стихами:

«Все путем.

Козла забьем или в буру играем.

Подобралась компания — что надо,

Ребята вроде вас. Но я пришел

Не языком чесать, а хлопнуть водки

И нанести решающий мазок

На песню лебединую свою.

Инсульт проклятый выбил кисть из рук,

Не то б я кой-кого заткнул за пояс...» [1].

Затем он деловито «наливает себе стакан водки, залпом выпивает, подходит к картине на стене, наотмашь бьет в середину полотна кистью, оставляя огромное ярко-желтое пятно» [1]. Жёлтый цвет, как известно, является цветом безумства, сумасшествия. Здесь он ещё и яркий, т.е. автор иронически намекает на совершенную умалишённость этого общества. Затем призрак перекидывается абсурдными репликами с двумя пьяными:

«2-й пьяный: Кукареку!

Призрак. Но чу! Петух кричит! Пора рвать когти!

Физкультпривет! До скорого свиданья!» [1].

Призрак скрывается за буфетом, прихватив при этом ружьё, висящее на ёлке, которое повесил туда Балагур. Здесь наблюдается переключка с Чеховым, который говорил, что ружьё, висящее в начале пьесы на стене, в конце должно выстрелить. Снова абсурд: зачем на том свете стрелять, если там и так все мёртвые? И ружьё, висящее на ёлке, тоже абсурдно.

Стоит обратить внимание на то, что призрак вёл диалог только с двумя пьяными, говорил им «до скорого свидания». Хозяйка же сразу после ухода призрака своего отца выгоняет этих двух героев, и они уходят со словами: «Мы длинной вереницей идём за Синей Птицей» [2].

Если анализировать конкретно эту ситуацию, то она может восприниматься, как реалистическая: два пьяных человека допились до белой горячки и разговаривают с воображаемым существом. Может восприниматься и как абсурдная, где призраки приходят в гости к живым и вполне мирно с ними общаются. Может восприниматься и как модернистская, в которой сплетены явь и сон, безумие и нормальность.

Хронотоп пьесы также неоднозначен: о времени сказано, что за окном — зимняя темнота, при этом в комнате стоит «ёлка-перестарок». Автор начинает описывать время, но затем будто одумывается и говорит: «здесь живут не в календарном, а в своём, артистическом мире» [1]. Безусловно, снова звучит ирония — насмешка в адрес представителей данного общества, но в то же время это и напоминание, что конкретное пространство и конкретное время абсолютно не важны. А важно, по всей видимости, комическое описание помещения и вещей в нём находящихся: «Помещение освещается пятирожковой люстрой советских времён; один из пяти рожков, впрочем, разбит. Справа перед обшарпанным угловым диваном — шаткий стол с претензией; над ним самодельный лоскутный абажур. Слева — буфет, допотопная скамья чуть ли не из ЦПКиО им. Горького, рядом — облезлая ёлка-перестарок, подчёркивающая лишний раз, что здесь живут не в календарном, а в своём, артистическом, времени. Словом, всё как положено: по стенам одна-две иконы, хозяйкина мазня, отцова мазня, какая-то ахиня из водопроводных труб и кранов. На табурете для пущего артистизма — граммофон с раструбом. В центре комнаты обеденный стол; на нём водка, вино, прохладительные напитки, закуска». При этом гости, находясь в этом помещении, пытаются делать заинтересованный вид, но им скучно до тех пор, пока они не сядут пить» [1].

В пьесе «Чтение» автор тонко переплетает депрессивные начала с комическим. Комическое в данной пьесе обладает грустной энергетикой, которая открывает безнадежность существования творчества в массовом обществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гандлевский, С. Чтение [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/zvezda/1999/5/gand> — Дата доступа: 09.03.2015
2. Лейдерман, Н.Л., Липовецкий М.Н. Постреализм в литературе 1980-х–1990-х годов [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.nnre.ru/literaturovedenie/sovremennaja_russkaja_literatura_1950_1990_e_gody_tom_2_1968_1990/p1.php — Дата доступа: 09.03.2015
3. Ремизова, М. Не напрасно [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.litkarta.ru/dossier/remizova-o-gandlevskom> — Дата доступа: 09.03.2015